

УДК 336.2 (075)

К вопросу о формах и методах государственного регулирования в условиях цикличного развития экономики

Зобова И.Ю.

Старший преподаватель
кафедры общеэкономических дисциплин
Казанского (Приволжского) федерального университета

Мальганова И.Г.

Кандидат географических наук,
доцент кафедры территориальной экономики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ермаков А.М.

Кандидат технических наук,
начальник отдела первичной обработки и верификации данных
Татарского ЦНТИ – филиала ФГБУ РЭА Минэнерго России

В основе трансформационных изменений экономики лежат до конца не изученные закономерности «циклической динамики и социогенетики», при этом цикличность принимается основной закономерностью любых трансформаций. Знание циклических траекторий позволяет своевременно и качественно реагировать на искривление трендов экономической динамики, предотвращать спады и поддерживать стабильность экономических систем.

Ключевые слова: институционализация, государственное регулирование, экономические циклы, институциональная трансформация, рынок.

Институты включают как сами правила, так и, как подчеркивает Д. Норт, «определенные характеристики принуждения» к их выполнению. Канализируется принуждение через внутренние ограничения, государственное насилие (общественные санкции), страх перед последствиями. Причем специалисты склонны различать реальное насилие и потенциальное, «вводящее в игру» более тонкие политэкономические отношения. Управление, являясь неотъемлемым элементом любой организационной системы, призвано обеспечивать сохранение определенной структуры и целей деятельности. Важнейшая функция управления – регулирование, то есть

совокупность действий, направленных на компенсацию выявленных отклонений. Государственное регулирование – это, главным образом, меры законодательного, исполнительного и контролирующего характера. Их цель – стабилизация и приспособление системы к изменяющимся условиям. В классической экономике основными функциями государственных органов власти и управления считаются: макроэкономическая стабилизация, перераспределение национального дохода и производство государственных товаров и услуг. Институционализация государственного регулирования экономики, формирование стройной системы относятся к реформам

Ф. Д. Рузвельта времен Великой депрессии. Переход от неформальной к формальной институциональной структуре, как правило, усиливает государство. В западных странах институциональную структуру экономики отличает высокая степень развития контрастных отношений.

У. К. Митчелл увязал динамику экономических процессов с объективными циклами деловой активности и настаивал на социальном регулировании экономических процессов [1].

Первым внимание к циклам экономической динамики и методам ее математического анализа привлек в 1925 г. Н. Кондратьев вышедшей в США работой «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» [2]. Экономические циклы как постоянные волновые колебания – нормальное явление рыночной экономики, имманентно присутствующая ей внутренняя закономерность экономической динамики. Более того, в цикличности заложена потенциальная энергия саморегулирования экономической системы. Знание циклических траекторий позволяет своевременно и качественно реагировать на искривление трендов экономической динамики, предотвращать спады и поддерживать стабильность экономических систем. На подъеме волны экономических циклов образуется новый уровень экономического равновесия. Это происходит, когда движущие силы подъема накапливаются и усиливают друг друга, – добавляет Д. М. Кейнс в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.). Когда заряд ослабевает, они замещаются силами, действующими в противоположном направлении. Противоречия кризиса постиндустриальной экономики могут разрешиться формулой: социальная конкуренция на экономическом субстрате сотрудничества. При этом Кейнс первым отделил макроэкономику от микро- и подчеркнул значение макроэкономических регуляторов: мультипликаторов (инвестиций, дохода) и параметров (ставки рефинансирования, эффективности капитала и др.) [3]. Таким образом, в институциональную структуру рыночного капитализма Кейнс предложил встроить институты государственного регулирования.

В институциональном развитии также наблюдается цикличность, когда долгие периоды медленных, частичных изменений сменяются стремительными периодами радикальных изменений, в которые разрешаются противоречия нового опыта и его субъективной интерпретации (идеологии). Инверсией (от лат. *inversio* – перестановка) идеологии объясняет циклический характер российской истории А. Ахиезер. В череде «дуальных оппозиций» локальные принципы взаимодействия меняются на централизованные. Медиация неформальных норм исключается ментальностью населения. Инверсия предполагает запрещение неформальной нормы или ее легализацию без интерпретации.

Неоклассическая парадигма институциональной трансформации предполагает спонтанную селекцию эффективных институтов. Однако исторический опыт свидетельствует, что циклические противоречия социокультурной динамики стихия рынка разрешить не способна. С появлением кейнсианской теории идеальная модель рыночной трансформации немыслима без целенаправленного государственного регулирования, способного имплантировать основополагающие ценности мировой цивилизации, т.е. обеспечить сочетание материальных и духовных ценностей, реализацию прав и свобод личности с приоритетом социальной справедливости, баланс развития общественного и личного, и др. Практика показала, что рыночный механизм «свободного» капитализма не может обеспечить устойчивого равновесия. Острейшие противоречия породил сам нерегулируемый рынок. Утверждение монополий исказило его главное достоинство – ценовой сигнал, и, что наиболее важно, отразилось на рынке труда. В результате опутанная неоклассиками экономика не уловила импульсов позитивных изменений. Практика выработала три формы государственного вмешательства:

1. Прямое государственное воздействие: национализация определенных предприятий, секторов и целых отраслей хозяйства или другие формы административного подчинения решениям государственных органов.

2. Косвенное вмешательство: опосредованное регулирование государством экономических процессов через законодательство, финансовые и денежно-кредитные инструменты.

3. Смешанное: комбинация способов. Используется в региональной политике.

В границах указанных форм осуществляется государственное вмешательство, повсеместно признанное необходимым и называемое теперь государственным регулированием. Самый убедительный пример – впечатляющий успех кейнсианства – политики, обеспечившей выход из экономического кризиса (1929-1933 гг.) и долголетнее процветание охваченных ею стран. Но, главное, Дж. Кейнс обосновал необходимость государственного вмешательства не в производство, как творцы тотальной плановой экономики, а в формирование «эффективного спроса». Соответствующими регуляторами выступили финансово-кредитные механизмы. Не отвергая очевидных достижений экономической мысли, решение проблем перенесено на макроуровень. Рынок остался, но подвергся государственной терапии и проблема была снята.

В США вмешательство государства осуществлялось довольно широким фронтом: государство пошло на масштабное перераспределение национального дохода, что потребовало значительного увеличения государственных расходов. Кроме того, прямое административное регулирование коснулось

многих сфер частного предпринимательства, и был увеличен государственный сектор в экономике. Тем не менее, не было полного огосударствления хозяйства, как в странах социализма, вмешательство государства оставалось преимущественно опосредованным (косвенным). Основная нагрузка легла на финансовую систему, как на совокупность соответствующих учреждений и институтов, призванных заниматься регулированием финансовых ресурсов.

В условиях демократии действия политиков подчинены интересам тех, кто более энергично их выражает. Это – организованные лоббисты, финансовые источники которых не могут не интересоваться политиков. Умеренный политик вынужден ориентироваться на близкие положительные эффекты и упускать из виду отдаленные отрицательные. Эволюция кейнсианства подтверждает эти выводы. Деятельность многочисленных организованных групп, провоцирующая правительство к раздаче максимально возможных благ, породила стремительный рост государственных расходов и превратила макроэкономическую политику в инфляционную. Стимулирование спроса обернулось обесцениванием денег и замедлением темпов производства. Спрос не мог стимулировать производство, он поглощался ростом цен. Острую актуальность приобрел закон непредвиденных последствий: стабилизация спроса обернулась инфляцией, борьба с бедностью – иждивенчеством. Концепция широкого государственного вмешательства потерпела банкротство. Взоры обратились к неоклассикам – на самонастраивающийся рыночный механизм.

Стало очевидно, что методы управления следует менять: снижать прямые и увеличивать косвенные стимулы. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. наблюдался отход от кейнсианской модели регулирования эффективного спроса и был взят курс на «дерегулирование экономики». Альтернативой выступил «монетаризм», позднее практически воплотившийся в «рейганомике». Главный акцент перенесен в денежную сферу. Рынок сам способен отладить многие процессы. Бюджетная деятельность имеет пределы и должна быть ограничена. Особенно показательна Швеция с ее перераспределительной социальной моделью и высокой долей государственной собственности. Наиболее низка доля государственной собственности и слабее вмешательство государства в США – стране традиционно рыночных, либеральных настроений (социальная конкуренция превалирует над социальной защитой). Налоговая реформа администрации Р. Рейгана 1981-1986 гг., связанная со снижением максимальных ставок с 50 до 28 %, существенно повысила возможности инвестирования. Большая часть социальных программ была унифицирована и передана штатам, но масштабы социальной поддержки сохранились. Американская экономика вступила в фазу роста на пути обновления технологий.

С учетом всех тенденций и влияний современную финансово-экономическую политику развитых стран называют менее либеральной и более умеренной. Наблюдается стремление балансировать бюджет, меняется структура расходов в пользу долгосрочного развития. Цивилизованный мир на базе ведущих экономических концепций приступил к созданию многочисленных механизмов саморегуляции в виде функциональных экономических систем. На это теперь направлена экономическая политика государств с рыночной ориентацией. Модифицируются формы и методы государственного воздействия. Возникают независимые (смешанные) институты автоматической настройки: комиссии, комитеты, агентства, взаимодействующие с государственными органами и непосредственными производителями, общественными организациями и исследовательскими центрами. Так, например, в Новой Зеландии министерства-конгломераты разделены на специализированные бизнес-единицы. Отношения с руководителями регулируются контрактами и зависят от результатов деятельности. Их деятельность направлена на поддержание макроэкономического равновесия и создание наилучших условий для динамичного обмена товарами, технологиями, ноу-хау, специалистами и т.п. По аналогии с живой природой обмен стали называть «метаболизмом». Это принципиально новый этап. Он стал возможен в век информации в связи с бурным развитием электронных средств связи и обработки информации. Полагают, что в итоге рыночное хозяйство превратится в открытую, саморазвивающуюся систему.

В РФ за годы рыночной трансформации, на фоне резкого сокращения экономического потенциала страны и численности населения неуклонно увеличивалось число работников государственного аппарата. Заметим, что еще до рыночной либерализации Г.Х. Попов предрекал: «...обострение проблемы бюрократизма – неизбежное, закономерное явление процесса общего изменения системы управления в направлении роста роли экономических методов» [4]. Однако рост государственной нагрузки на частный сектор сопровождался размытием важнейших прерогатив государства: обеспечение безопасности хозяйственных субъектов, обеспечение равных прав участия в хозяйственной деятельности, обеспечение исполнения контрактов и неприкосновенности частной собственности и др. И при этом произошла либерализация самого государства в лице его административного аппарата.

В среде либеральных реформаторов неоднократно появлялись призывы к глобальной переоценке масштабов государственного воздействия на экономику и предложения по радикальному сокращению «бремени гипертрофированного государства». Наиболее заметны исследования Института экономиче-

ского анализа (ИЭА) [5]. Специалисты сравнивали размеры государства, выраженные объемом контролируемых им финансовых ресурсов, с темпами экономического роста: снижение государственных расходов сокращает спад производства, рост государственных расходов сказывается на увеличении темпов снижения ВВП¹. Таким образом, чтобы иметь инвестиционные ресурсы и обеспечить 5 % прироста ВВП необходимо было вдвое сократить государственные расходы и довести их до 25-26 % ВВП. Затем оптимальные расходы государства, при которых возможны максимальные темпы роста (8-9 %), были подкорректированы до 18-21 % ВВП [6].

Аналитики ИЭА вывели обобщающий индикатор степени либеральности экономической политики, который назвали «индексом экономической свободы» [7]. Рассчитав индексы для большинства стран за период 1975-1995 гг., исследователи получили следующие результаты: самые высокие темпы прироста ВВП на душу населения (более 2,4 % в год) приходились на страны с наиболее либеральной экономической политикой, где индекс экономической свободы превысил 80 %. Это США, Япония, Швейцария, Нидерланды, Сингапур, Гонконг и др. Самые низкие темпы прироста (-8,5 %) имела Россия, где и оказалось самое низкое значение индекса экономической свободы (33,7 % по данным 1994-1995 гг.)². В рейтинге экономической свободы стран мира в 2013 г. [8] по версии The Heritage Foundation первенство удерживают Гонконг, Сингапур и Швейцария. К ним добавились Австралия и Новая Зеландия, потеснив США (10 место), Нидерланды (17 место) и Японию (25 место). Россия на 139 из возможных 177 мест.

На наш взгляд, указанные исследовательские программы отличает высокий уровень абстракции. Экономическое оживление и рост, последовавшие за кризисом 1998 г., были вызваны не сокращением «бремени» государства, а девальвацией рубля и ростом цен на энергоносители. А чем объяснить наблюдаемый в 2000-е гг. экономический рост без развита или «деиндустриализацию»?

Для сырьевых, и в частности, нефтедобывающих государств можно выделить свои особенные «бизнес-циклы», связанные с изменением мировых цен на углеводороды. Указанные цены существенно влияют на доходы экономических агентов и во многом определяют проциклическую динамику государственных расходов, что негативно сказывается на устойчивом развитии экономики. Антициклические меры государственного регулирования в этом слу-

чае в значительной степени отражают качество институциональной среды. Показателен пример Норвегии, где антициклическая политика практически исключает влияние цен энергоносителей на размер государственных расходов. Основным институтом, обеспечивающим относительную независимость госрасходов, является Государственный пенсионный фонд, который ранее был известен как Фонд будущих поколений.

В РФ потребовалось немало времени, чтобы направить большую часть дополнительных доходов в бюджетную систему. До 2004 г. не было образовано специального института аккумуляции доходов, поступающих вследствие благоприятной экономической конъюнктуры, что свидетельствует о неспособности государства проводить активную антициклическую политику. Затем с использованием института Стабилизационного фонда, а с 2008 г. – механизма «нефтегазового бюджета» бюджетная политика ориентируется на более полное изъятие дополнительных доходов в федеральный бюджет и защиту национальной экономики от краткосрочных колебаний цен на энергоносители.

Российской структуре управления традиционно присуще дублирование ряда функций. Далеко от совершенства само производство общественных благ вследствие очевидных транзакционных издержек, которые вынужден нести частный сектор. Обществу приходится дважды финансировать низкое качество государственных услуг: первый раз выплатой обязательных налогов, второй – неизбежными дополнительными транзакционными издержками, связанными с рэкетом, коррупцией, некомпетентностью, произволом, злоупотреблениями и т.п. Эти средства считаются прямым вычетом из национальных производственных ресурсов. Несмотря на огромные поборы, государство оказалось не способно должным образом, своевременно регулировать деятельность субъектов хозяйственной деятельности. Озабоченные самосохранением, министерства и ведомства выступали за сохранение ограниченного обособленного «законотворчества». Этой причиной объяснялось, например, длительное отсутствие единой правовой регламентации новых видов исключительных прав собственности (более десяти лет), тогда как необходимость правовой охраны результатов ранее не определенных видов деятельности (например, экономических решений, организационных предложений и других отношений «духовной» сферы) давно назрела³. Заметим, что именно законодательная защита «содержательных» результатов творческой деятельности в XIX в. создала необходимые стимулы для широкого распространения технических

¹ Если учесть, как предлагают специалисты, займы и налоговые кредиты, то фактический уровень государственных расходов превысит половину ВВП. Для сравнения: в США – 33,5 %; в Японии – 35,8 %.

² Заметим, в «золотой середине» находится северная страна Исландия: темпы роста около 2 % ВВП при индексе 66-68 %.

³ Напомним, что первая кодификация гражданского права (кодификация Юстиниана) относительно регламентации рыночных отношений результатов материальной деятельности была проведена почти 2000 лет назад.

изобретений. В защите интеллектуальной собственности роль государства должна возрастать адекватно становлению информационного общества. Однако при формировании правового режима для новых объектов первостепенное значение зачастую приобретают случайные, конъюнктурные факторы и лоббистская деятельность.

В действиях государства, таким образом, наблюдается «институциональная каталлактика» (по Ф. Хайеку) – акцент на самопроизвольное формирование рыночных структур.

Тем не менее, на вопрос – через какие структуры и институты можно реализовать зависимость экономики от общества в Российской Федерации? – следует ответить – пока только через приоритет государства. Современный подход строится на оптимизации взаимодействия всех участников хозяйственных процессов. Но поскольку новые источники экономического роста, связанные с эволюцией факторного созидательного потенциала в институционально-структурный, по-прежнему находятся в сфере макроэкономики, возрастает роль государства в институциональном строительстве. При этом, направляя социальную самоорганизацию, важно обеспечить условия реализации духовного и социального потенциала каждого индивида.

XX в. завершился становлением разветвленной системы международных организаций. Наступил новый этап институционализации государства. Трансформация института собственности может повториться с природными ресурсами РФ: уже ставится проблема «справедливого» распределения природных богатств. Международное сообщество постепенно распространяет контроль на социальную и экономическую дееспособность государства (права человека, демократические выборы, борьба с коррупцией и др.). Это прямая угроза авторитарной модели государства, которая опирается на эксплуатацию природных ресурсов и не требует сложного институционального оформления, а значит, и большого количества образованных людей. Траектория развития, в свою очередь, требует непрерывных институциональных трансакций и невозможна без способности к ментальному конструированию.

Во второй половине XX в. на Западе сложилось представление, что повторение Великой депрессии невозможно. Кризисы становятся более частыми, но при этом их масштабы существенно снижаются. Реальное развитие событий опровергает теоретические домыслы. Появились рассуждения на тему о глобальных кризисах с интервалами примерно 50 лет. Поскольку объективная реальность не укладывается в субъективные рамки ментального конструирования, следует задуматься об оптимальном сочетании государственного регулирования и свободы предпринимательства.

При обострении социальных проблем (кризисах) и «провалах рынка» у государства появляются особые функции. Их осуществление может принимать различные формы: от полного огосударствления до государственного контроля или партнерства с частным бизнесом. Именно такой симбиоз государства и рынка вытянул капитализм из Великой депрессии 1929-1933 гг. Решая кризисные проблемы, институционалисты, как правило, не рассматривали рынок изолированно, а только вкупе с производственным сектором.

Перед российским государством как субъектом конкурентного рынка сегодня стоит задача путем глобальной кооперации финансового капитала, политических ресурсов центра и периферийных территорий выстраивать и регулировать партнерство государства и рынка в сфере стратегических инвестиций и формирования инвестиционных кластеров.

Литература:

1. Mitchell W.C. Business Cycles. – University of California Press, Berkeley, 1913. – 630 p. // Cornell University Library. – URL: <http://ia700401.us.archive.org/8/items/cu31924003462680/cu31924003462680.pdf>.
2. Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
3. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / Пер. с англ. Н.В. Автономовой, И.М. Осадчей, А.Н. Розинской; под науч. ред. В.С. Автономова. — М.: Институт Гайдара, 2011. – 416 с.
4. Попов Г.Х. Блеск и нищета Административной системы. – М.ПИК. 1990. – 240 с.
5. Илларионов А. Бремя государства // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 4-27.
6. Илларионов А. Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. – 2002. – № 9. – С. 18-45.
7. Илларионов А. Модели экономического развития и Россия // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 4-18.
8. Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы 2013 – информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info>.

**Forms and Methods of State Regulation in the Conditions
of Cyclic Economic Development**

*I. Yu. Zobova, I. G. Malganova
Kazan (Volga Region) Federal University*

A. M. Ermakov

*The Tatar center of scientific and technical information - Federal State Budgetary Institution Ros-
siyskoye energeticheskoye agentstvo branch of the Ministry of Energy of the Russian Federation*

Transformational changes are based on regularities of “cyclic dynamics and socio-genetics” that have not been properly studied yet. Cyclicity is treated as one of the main regularities of any transformations. The knowledge of cyclic trajectories provides delivering timely and high-quality responses to distortion of economic dynamics, preventing decreases and maintaining stability of economic systems.

Key words: institutionalization, state regulation, economic cycles, institutional transformation, market.

